

УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

на

1817^й ГОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Евграфомъ Филомаѣтскимъ

и

Разумникомъ Гонорскимъ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Мѣсяцъ Апрѣль.

ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи,

1817.

90 02

ОГЛАВЛЕНІЕ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

I. *Науки и Искусства.*

Стр.

1. Славянская Мифологія, или о Богослуженіи Рускомъ въ язычествѣ - - - - -	3,141
2. Дополненіе къ Статѣ: <i>Краткое начертаніе Теоріи подражательной Гармоніи слова</i> - -	25
3. Нѣчто о переводѣ <i>Виргиліевыхъ Георгикъ</i> Рускими Гекзаметрами	51
4. Рѣчь о необходимости вознипанія дѣвиць - - - -	151
5. Путешественныя записки -	159
6. О причинахъ различія умственныхъ и нравственныхъ способностей - - - -	261
7. Нѣчто объ <i>Элегіи</i> - - -	284
8. Боги <i>Индіи</i> - - - -	294
9. Нѣчто о каменно-угольной ломкѣ въ <i>Бахмутскомъ уѣздѣ Екатеринославской Губерніи</i> -	300
II. <i>Изящная Словесность а) Проза.</i>	
1. Различные роды безсмертія (<i>Окончаніе</i>), - - - -	70
2. <i>Святогорскій Монастырь</i> -	187

	Стр
3. Θεодосій и Констанція - - -	198
4. Долина Юсафатова - - -	211
5. Который часъ? - - -	216
6. Пѣнїе птицъ - - -	316
7. Харьковское кладбище - - -	320
8. Первое письмо Гердера о Лес- синговой стапшь: какъ изобра- жали смерть древнїе? - - -	334
9. Стапшь изъ Англинскаго Зрїтеля	339
10. Выписки изъ писемъ путеше- ственника моремъ и сушею отъ Кронштапа до Мобѣжа - - -	347

III. Стихотворенія.

1. Отрывокъ изъ Волперовой пра- гедїи <i>Орестъ</i> - - -	88
2. Другу моего сердца - - -	90
3. Къ Портрету К. Р — на - - -	92
4. Прости (Пѣсня) - - -	—
5. Въ Альбомы - - -	93
6. Полевому колокольчику - - -	94
7. Увядшей незабудочкѣ - - -	95
8. Петраркинъ Сонешъ - - -	—
9. Къ другу - - -	96
10. Экспромтъ въ Альбомъ - - -	97
11. Ошибка (сказка) - - -	98
12. Надпись на вратахъ адовыхъ - - -	100

13. Опрывки изъ Волперовой Гра-				
гедіи <i>Орестъ</i> - - -				223
14. Минуша уединенія - - -				232
15. Къ младенцу - - -				233
16. Подражаніе Петраркѣ - - -				236
17. Къ сосѣду - - -				237
18. Женидѣба нынѣшняго свѣша -				242
19. Эпиграмма - - -				243
20. Петраркинъ Сонетъ - - -				359
21. Мои мечты - - -				360
22. На гробъ Тирсиса - - -				363
 IV. Харьковскія записки.				
1. Общество Наукъ - - -				101
2. О пожертвованіяхъ въ пользу				
Х. Коллегіума - - -				102
3. Общество Благотворенія - - -				344
 V. Слѣсь.				
1. Сковорода, Украинскій Философъ				106
2. Къ Издателямъ (изъ Одессы) -				132
3. Изъявленіе благодарности - - -				133
4. О подпискѣ на <i>Сочиненія Любви</i>				
<i>Кричевской</i> - - -				134
5. Аекдошы - - -				252
6. Привычка - - -				254
7. Одесса (изъ писемъ къ другу) -				364
8. Увѣдомленія				

IV. СМѢСЬ.

Сковорода,

Украинскій Философъ.

Издатели въ одно время получили двѣ пѣсы, одну подъ названіемъ: *Сковорода, Циникъ нынѣшняго вѣка*; а другую: *Лоланскій мостъ — отрывокъ изъ воспоминаній о Харьковѣ*, въ которой также нашли они описаніе сего чуднаго Украинца: сверхъ того имъ доставлены два собственноручныя его письма. Они съ удовольствіемъ помѣщаютъ оба сїи почти разнородныя о немъ сужденія; а изъ писемъ его всякой увидитъ самъ, до какой степени онъ былъ образованъ и уменъ.

Сковорода родился въ небольшой деревнѣ Харьковской Губерніи; отецъ его былъ очень бѣдный Священникъ. Старый Сковорода весьма мало могъ употребить на воспитаніе своего сына; а пошому онъ самъ образовалъ зародышъ добродѣтели въ сердцѣ дитяти и далъ ему первое

основаніе, чю бы со временемъ можно было сдѣлаться полезнымъ человѣкомъ. Когда сей юноша выросъ и любопытная душа его потребовала лучшей пищи; по родительской оудаль его въ Кіевскую Академію: шамъ молодой Сковорода занялся ревностно Еврейскимъ, Греческимъ и Латинскимъ языками, упражняясь при томъ въ Краснорѣчїи, Философїи, Метафизикѣ, Математикѣ, Естественной Исторїи и Богословїи. Но онъ совершенно не имѣлъ расположенїя къ духовному званїю, для котораго впрочемъ преимущественно отецъ назначалъ его; и его неразположенность возрасла до такой степени, что онъ, замѣчая желанїе Кіевскаго Архїерея посвятить его въ священники, прибѣгнувъ къ хитрости и припворился сумасброднымъ, перемѣнилъ голосъ, спалъ заикась. Такимъ образомъ по окончанїи шести лѣтъ оказалось, что онъ на силу успѣлъ научиться читать и писать; по чему обманушый Архїерей выключилъ его изъ бурсы какъ непоняшнаго и признавъ неспособнымъ къ духовному званїю позволилъ ему жить, гдѣ угодно. Эшого-шо

и хотѣлъ Скворода: будучи на свободѣ онъ почиталъ себя уже довольно награжденнымъ за несносныя для него шесть лѣтъ, которыя впрочемъ онъ совсемъ иначе употребилъ, нежели какъ думали всѣ его окружавшіе; онъ приобрѣлъ большія свѣденія въ разныхъ наукахъ, желая сообщить ихъ нѣкогда юнымъ своимъ согражданамъ. Но все еще онъ чувствовалъ себя весьма слабымъ для прохожденія предположеннаго поприща и хотѣлъ увеличить еще болѣе свои познанія. Здравый разумъ говорилъ ему, что сухая ученость безъ знанія людей очень мало значить; и по книгамъ нельзя хорошо узнать человека во всѣхъ его отношеніяхъ. Скворода надѣялся пособить сему недостатку путешествіемъ въ чужіе края; такимъ образомъ онъ взялъ странническій посохъ въ руку и отправился за границу истинно философски т. е. пѣшій и съ крайнею шощимъ кошелькомъ. Онъ странствовалъ въ Польшѣ, Пруссіи, Германіи и Италіи, куда сопровождала его нужда и отреченіе отъ всякихъ выгодъ. Чистое, чувствительное и ко всему прекрасному

способное сердце составляло всю его собственность. Римъ любопытству его открылъ обширное поле. Съ благоговѣнiемъ шествовалъ онъ по сей классической землѣ, которая нѣкогда носила на себѣ Цицерона, Сенеку и Капона; пріумфальныя врата Траяна, Обелиски на площади Св. Петра, развалины Каракальскихъ бань, словомъ всѣ остатки сего владыки свѣта; столь противуположныя нынѣшнимъ постройкамъ памошнихъ монаховъ, шушовъ, шарлапановъ, макаронныхъ и сырныхъ фабрикантовъ, произвели въ нашемъ циникѣ сильное впечатлѣнiе. Онъ замѣшилъ, что не у насъ только, но и вездѣ богачаму кланяются, а бѣднаго презираютъ; видѣлъ: какъ мужья, гордясь своими вѣшисшыми украшеніями, прогуливаются; а женщины проливаютъ крокодилскія слезы; какъ глупость предпочитаютъ разуму, какъ шушовъ награждаютъ, а заслуга пищается подаянiемъ; какъ развратъ нѣжится на мягкихъ пуховикахъ, а невинность попишется въ мрачныхъ иемницахъ; короче онъ видѣлъ все, что можно видѣть всякой день на нашемъ земномъ

шарѣ (*). Но онъ видѣлъ, и воспользовался всѣмъ эшимъ къ собственному своему образованію. Сверхъ того онъ усовершеншилъ себя въ древнихъ языкахъ и философіи, посѣщая гдѣ только можно было публичныя учебныя заведенія. Наконецъ обогатившись нужными познаніями, Сковорода желалъ непременно возвратиться въ свое отечество. Надѣясь всегда на проворство ногъ, онъ пустился назадъ. Какъ забилось сердце его, когда онъ издали увидѣлъ деревянную колокольню родимой своей деревушки! Вербы посаженныя въ отеческомъ дворѣ тогда, какъ онъ былъ еще дитяшею, распроспирали свои вѣтви по крышѣ хижины. Солнце было тогда на западѣ; мычаніе коровъ возвращавшихся съ паствы домой составляло приятный звукъ для ушей прибывшаго на свою родину странника. Онъ шелъ мимо кладбища; тутъ большое число новыхъ во время его отсутствія поставленныхъ крестовъ бросали длинные тѣни. „Можетъ быть многихъ, (думалъ онъ) кои при моемъ отбытіи оспа-

(*) И напрасно онъ предпринималъ для сего такое дальнее путешествіе. Изд.

вались еще живы, теперь заключаетъ въ себѣ мракъ могилы; (пусть онъ отереть слезы наворачнувшіяся на глазахъ его) можетъ быть и родители мой почиваютъ здѣсь сномъ вѣчнаго покоя.“ Онъ перескочилъ черезъ ограду; переходилъ съ могилы на могилу, пока наконецъ малый поставленный въ углу камень показалъ ему, что уже нѣтъ у него отца. Сыновнее чувство увлекло его ко гробу родителя; онъ обнялъ хладную землю, смѣшанную съ драгоценнымъ для него прахомъ. Когда дѣйствія первыхъ впечатлѣній успокоились, началъ онъ здраво рассуждать о ничтожности міра сего. (*)

Возвратившись на родину онъ узналъ, что всѣ его родные переселились въ царство мертвыхъ; кромѣ одного брата, коего пребываніе было ему неизвѣстно. Отдѣленный отъ всего, Сковорода остался одинъ и былъ подобенъ кольцу выброшенному изъ цѣпи человѣчества.

(*) Позволяемъ себѣ замѣтить, что эпизодъ возвращенія Сковороды на родину могъ бы хорошо быть, — только не здѣсь въ его біографіи. Г. Сочинитель не означилъ важнѣйшихъ его приключеній, кои должны были ему извѣстны; онъ не упомянулъ также о времени рожденія и смерти своего героя. И.

Побывавши въ родимой деревушкѣ, онъ взялъ опять свой спранническій посохъ и многими обходами пошелъ въ Харьковъ. Тамъ оставался на нѣсколько лѣтъ учи- шелемъ въ Коллегіумѣ; но принужденный образъ ученія ему не понравился, онъ оставилъ кафедру и рѣшился жить отлуч- но отъ шумнаго свѣта. Въ крайней бѣд- ности переходилъ онъ по Украинѣ изъ одного дома въ другой, училъ дѣтей при- мѣромъ непорочной жизни и зрѣлымъ на- ставленіемъ. Одежду его составляла просшая сѣрая свита, пищу самое грубое кушанье; крѣпкіе напитки зналъ онъ только по названіямъ (*). „Къ чему, гово- рилъ онъ, всѣ эти заѣбы? Благодарю Про- видѣніе, что я здоровъ; шѣло мое шел- комъ ли покрыто или грубымъ сукномъ, желудокъ мой жаренымъ ли цыпленкомъ наполненъ или кускомъ хлѣба: это все равно. Сердце, которое бываетъ честно подъ простымъ платьемъ, больше стоитъ нежели черная душа спрятавшаяся подъ звѣзду или ленту. На что искусственные

(*) Справедливо ли сіе послѣдніе, читатели наши увидятъ изъ его писемъ помѣщенныхъ въ кон- цѣ сей главы. Изд.

напитки, когда природа намъ дала чистую воду (*)? Какъ бѣденъ тотъ, кто слѣдуетъ только внушеніямъ чувственности и пренебрегаетъ лучшую часть своего бытія — образованіе души.

Къ женскому полу не имѣлъ онъ склонности; всякую неприятность сносилъ съ великимъ равнодушіемъ. Въ этомъ онъ былъ споикъ; но держался больше цинической секты, съ тою разницею, что не искалъ подобно Діогену людей со свѣчою. Его добрая душа находила, что міръ сей и въ великомъ своемъ развратѣ пишаешь еще много добрыхъ смертныхъ. Діогенъ въ гордыхъ своихъ лоскупьяхъ конечно устыдился бы предъ нашимъ чувствительнымъ Сковородою. Одну только можно ему приписать слабость (и кто ихъ не имѣетъ?): онъ былъ нѣсколько склоненъ къ мистикѣ. Обильное воображеніе вело его нерѣдко въ область изступленія и дѣлала отчасти суевѣромъ. Но это неимѣло никакого вліянія на его характеръ, ни на окружавшихъ его; меч-

---

(*) А бочоночки, бочоночки?... (См. 2 письмо Сковороды.)

пы свои скрывалъ онъ въ душѣ; и никогда не выступалъ съ своими миспическими мыслями.

Проживши нѣсколько времени въ одномъ домѣ (гдѣ всегда ночевалъ лѣтомъ въ саду подѣ кустарникомъ, а зимой въ конюшнѣ) бралъ онъ свою Еврейскую Библию — въ чемъ состояло все его имущество — въ карманъ, флейшу на которой онъ довольно хорошо игралъ на плечо и пускался далѣе, пока попадалъ на другой предмѣтъ достойный его вниманія. Никто во всякое время года, во всякую погоду не видалъ его иначе какъ пѣшимъ; также малѣйшій видъ награжденія огорчалъ его благородную душу. Безкорыстіе и скромность были главнѣйшими чертами его характера. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ по большей части жилъ онъ въ Купянскомъ уѣздѣ въ большомъ лѣсу, принадлежащемъ дворянину О. Ю. Ше—кому. Онъ обыкновенно приспавалъ въ убогой хижинѣ пасечника; нѣсколько книгъ составляли все его имущество. Онъ любилъ бытъ у сего помѣщика, также у И. И. Меч—кова и у нѣкоторыхъ другихъ почтенныхъ лю-

дей. Простый и благородный образъ жизни въ сихъ домахъ ему нравился; тамъ онъ воспитывалъ дѣтей и развеселялъ умными разговорами сихъ честныхъ и всѣми любимыхъ спариковъ.

Чтобы дать поняшїе о его остроумїи и скромности, приведу два случая. При странномъ его поведенїи не удивительно, что нѣкоторые забавники шутили надъ нимъ: Г. * * умный и ученый человекъ, но атеистъ и сапирикъ (онъ былъ воспитанъ по Французски) хотѣлъ однажды осмѣять его. „Жаль, говорилъ онъ между прочимъ Сковородѣ, что ты обучившись такъ хорошо живешь какъ сумашедшїй безъ цѣли и безъ всякой пользы для общества.“ — Ваша правда, отвѣчалъ Философъ, я до сихъ поръ еще не сдѣлалъ никакой пользы, но надобно сказать и никакого вреда; но вы, сударь, однимъ безбожїемъ вашимъ уже много сдѣлали зла: человекъ безъ вѣры есть ядовитое насѣкомое въ природѣ; но байбакъ живя уединенно подъ землею, времяемъ съ своего бугорка смотря на прекрасную нашуру отъ радости свищеть и припомъ никого

колесть. Совѣсть наша и тогда уже бываетъ спокойна, когда мы никому не вредимъ; естли судьба пославила насъ на такое мѣсто, гдѣ не можемъ приносить большой пользы. Г.** проглотилъ пилюлю: однако она не подѣйствовала; онъ оспался какъ и былъ безбожникомъ до послѣдняго издыханія. Сія черта очень хорошо отличаетъ добрую душу Сквороды.

Другой анекдотъ показываетъ скромность Сквороды. Умъ его и необыкновенный образъ жизни сдѣлали имя его извѣстнымъ во многихъ мѣстахъ обширной Россіи. Многіе желали познакомиться съ нимъ: иные будучи водимы благороднымъ чувствомъ; а другіе хотѣли видѣть его, чтобы надъ нимъ почудиться какъ надъ рѣдкимъ человекомъ, полагая что философъ есть родъ орангушанговъ, которыхъ показываютъ за деньги: ишакъ безъ платы надѣялись имѣть удовольствіе посмотрѣть на такую рѣдкость. Въ Таганрогѣ жилъ Г. И. Ков — кій воспитанникъ Сквороды. Что бы навѣстить его, пустился нашъ мудрецъ въ дорогу, на кошорой, какъ

онъ самъ говорилъ, промешкалъ онъ болѣе года; когда же прибылъ въ Таганрогъ, то ученикъ его созвалъ множество гостей, между которыми были весьма значныя люди, коимъ хотѣлось познакомиться съ Сквородою. Но сей будучи врагъ пышности и многолюдства лишь только примѣшилъ, что такая толпа милосивцевъ собралася единственно по случаю его прибытiя туда, тотчасъ ушелъ изъ комнаты и къ общей досадѣ никто не могъ его найти: онъ спрятался въ сарай, гдѣ до тѣхъ поръ лежалъ въ закрытой кибиткѣ, пока въ домѣ спало шихо. Тогда вышедши изъ своего убѣжища, просилъ хозяина, что бы впредь избавилъ его отъ такихъ тягостныхъ почипашелей. Дiогенъ хвастался тѣмъ, что Александръ его навѣстилъ и считалъ себя въ своей бочкѣ гораздо важнѣе, нежели какъ былъ сей владыка въ пышномъ дворцѣ своемъ. Скворода былъ скромнѣе; ему не льстили похвалы вельможныхъ. Однажды онъ говорилъ: „вельможные подобны ежамъ; я не хочу сказать, что они принадлежатъ къ симъ щепинислымъ живописцамъ, но что

съ обоими надобно обходиться очень осторожно дабы не уколоться. Когда еж свернется въ клубокъ, самъ бѣсъ его не пронетъ; равнымъ образомъ нельзя допрогиваться и до велемощнаго, когда онъ въ своемъ кругу дѣйствія надувается.,

Вотъ еще нѣсколько довольно странныхъ его изреченій:

„Спайся манишь собаку, но палки изъ рукъ не выпускай.

„Къ чему служишь имѣшь золотой рукомоиникъ, когда въ него кровью харкаешь?

„Кто бѣшь конопляное сѣмя, пошь съѣсть собственную свою руку (*).

„У чорта нѣшь козы, однако онъ продаетъ сыръ (!!).

„Курица кудахчетъ на одномъ мѣстѣ, а яйца кладетъ на другомъ.

„Прошлаго году былъ пожаръ, а нынѣ все еще пахнетъ.

„Ешьли только для того хлопчешь, что бы имѣшь въ своемъ дворѣ бѣлую курицу; такъ не надобно смотрѣшь, носитъ ли она яйца или нѣшь.

(*) Вотъ ужъ ~~звѣзо~~ не понимаемъ. Изд.

„Рыба отъ головы начинаешъ по-
шипъся.“

Сковорода никогда не зналъ ни болѣз-
ни, ни нужды, ни чужой помощи. Трез-
вость, человѣколюбіе и покорность Судь-
бѣ были отличительными чертами всѣхъ
его поступковъ. Онъ умеръ спокойно,
безъ помощи лѣкарей и съ упованіемъ
на будущее; всѣ, кто зналъ его, сожалѣли
о его потерѣ. Простая дерновая моги-
ла покрываетъ кости его; но она вну-
шаетъ болѣе почтенія, нежели иной
огромный памятникъ. Онъ писалъ мно-
го, и стихи его сдѣлались народными
пѣснями; сочиненія его находятся въ
разныхъ рукахъ, и между ними есть хо-
рошія стихотворенія.

Миръ его праху! О немъ съ призна-
тельностьюю воспоминають многіе Особы
занимающіе важные мѣста въ военной и
гражданской службѣ.

Густавъ Гессъ де Кальве.

Въ Маршѣ. 1817.

Дуганскій лит. заводъ.

Такъ говоритъ панегиристъ Сковороды; посмотримъ какъ отзывается о немъ челоѣкъ, подобно ему во многихъ отношеніяхъ оригинальный. Это нашъ Вернетъ столько занимательный для людей добродушныхъ и простосердечныхъ; не нравящійся только тѣмъ, кои упрекая его въ излишнемъ самолюбіи опредѣляютъ чрезъ то степень своего собственнаго. Намъ припшно мимоходомъ явить себя защитниками сего любезнаго Швейцарца-Украинца. Тѣмъ, кои желаютъ что бы онъ менѣе занимался своимъ лицомъ, скажемъ только: что онъ пишетъ *свои* собственные приключенія и при томъ *вспоминанія*; въ такомъ родѣ мы съ сердечнымъ удовольствіемъ пробѣгаемъ пѣсу даже самую посредственную, встрѣчая въ ней имя челоѣка, названіе города и т. п. нѣкогда намъ любезныхъ и всегда приятныхъ. Сколько же должны занимать насъ такія пѣсы, въ которыхъ кромѣ сихъ многимъ драгоценныхъ воспоминаній, находимъ мы простому чувства выраженную съ прелестью небрежносцію?

Вопшь мысли Вернета о Сковородѣ:

— — — — Подлѣ Лопанскаго моста, въ домѣ почтеннаго моего приятеля П. Ф. Пискуновскаго досталось мнѣ видѣть въ послѣдній разъ Григорія Савича Сковороду. Онъ былъ мужъ умный и ученый; но своенравіе, излишнее самолюбіе, неперпящее никакого прошиворѣчія, слѣпое повиновеніе, котораго онъ требовалъ отъ слушавшихъ его (magister dixit) зашмѣвали сіяніе дарованій его и уменьшали пользу, коюрой общество могло бы ожидать отъ его способностей. Онъ былъ необдѣланный дорогой камень, коему потребна рука искуснаго художника. Ему надлежало бы, по совѣту Платона который относилъ слова свои къ Ксенократу: почаще приносить жертву Траціямъ. Въ самомъ дѣлѣ у покойнаго Сковороды не доставало ни снисходительности къ чужимъ мнѣніямъ, ни терпѣнія споль нужнаго для изслѣдованія истинны и образованія юношества. Вкусъ его не былъ очищенъ, какъ это видно изъ оставшихся отъ него сочиненій. Онъ былъ вспыльчивъ и присшрасшенъ, слишкомъ слѣдо-

валъ силѣ первыхъ впечатлѣній; переходилъ отъ одной крайности въ другую; онъ любилъ и ненавидѣлъ безъ достопочной причины; и истина въ его устахъ, не будучи прикрыта приятною завѣсою скромности, снисхожденія и ласковости, оскорбляла исправляемаго и не достигала никогда цѣли предположенной учителемъ. Я не знаю, какъ онъ успѣлъ внушить своимъ ученикамъ такую привязанность къ себѣ! Развѣ страхомъ, предубѣжденіемъ и силою привычки? О, нѣтъ ли тайнаго побужденія отъ меня сокрытаго? Ибо безкорыстіе и совершенное удаленіе Сковороды отъ богатства не сдѣлалось, сколько мнѣ извѣстно, наслѣдіемъ ни одного изъ панегиристовъ сего безсребренника. Всѣхъ болѣе удивлялись ему достопочтенные Я. М. Донецъ - Захаржевскій и А. Ю. Сошальскій. Но равно ошибаются какъ тѣ, кои не отдаютъ должной справедливости способностямъ и знаніямъ Сковороды, такъ и тѣ, кои сравниваютъ его иногда съ Ж. Ж. Руссо, первымъ прозаикомъ своего вѣка: можно сравнить ихъ развѣ только въ странномъ и дикомъ образѣ жизни, въ безкорыстіи и въ нѣко-

поромъ родѣ брызгливости и мизантропїи. Справедливѣе Сковорода занимаетъ мѣсто между Дїогеномъ и Кратесомъ; онъ своими поступками и нравомъ могъ бы играть въ Греціи блестящую ролю во время Синопскаго чудака: Дїогенъ изъ всѣхъ Греческихъ народовъ однихъ Спаршанцевъ почиталъ только людьми; Сковорода преимущественно любилъ Малороссїянъ и Нѣмцовъ. Сїя исключительная любовь была причиною моего съ нимъ пренїя и несогласїя при первомъ свиданїи; она лишила меня удовольствїя познакомиться съ нимъ короче, сколько я того ни желалъ. Я былъ тогда еще молодъ; но уже могъ замѣтить, что слава часто подвержена бываетъ затмѣнїю, когда случай сближаетъ насъ съ самимъ ея предметомъ. Впрочемъ я чту память Сковороды, благоговѣю къ его чести и безкорыстїю; я не престану превозносить похвалами его простоту и любовь къ природѣ.]

Сковорода былъ музыкантомъ. Его духовные канты мнѣ нравятся; но стихи его вообще противны моему слуху, можешь быть ошъ того, что я худой

знапокъ и цѣнители красоть Руской поэзіи. Проза его также несносна для меня: не терпя шаинственнаго слога и запутанныхъ мыслей господъ миспиковъ я не люблю ходитъ по мрачному лабиринту мешафизики, привыкши издавна къ ясному и прекрасному слогу любезнаго Сен-Піера и къ простому, удобопоняшному умствованію Локка и Кондильяка. При всемъ томъ я чту Сковороду и чувствую въ себѣ склонность подражать ему въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; и вмѣсто того, чтобы чувствительно оскорбился тѣмъ, что онъ меня назвалъ мущиною съ бабимъ умомъ и дамскимъ секретаремъ, я еще былъ ему весьма обязанъ за сіи шутки: это было въ нѣщасливый лѣта, когда чело-вѣкъ, у коего не пыква на мѣстѣ головы и не кусокъ дерева вмѣсто сердца, представляешь все свое благополучіе въ томъ, чтобы любить и быть любиму; когда чувствительное сердце ищетъ себѣ подобнаго; и когда милая улыбка и ласковый взоръ любимаго предмѣта такъ восхищаетъ сердце и душу, какъ послѣ суровой зимы солнечная теплота, пѣніе

птицъ и природа во всемъ ея убранствѣ даютъ обрадованному старцу чувствовать что земля и въ старости можешь еще быть для него раемъ.

Я нарочно ѣздилъ изъ Мерчика въ деревню Ивановку (Богодух. уѣзда) для посѣщенія могилы, въ коей почиваютъ бранные остатки незабвеннаго Сквороды.

Ив. Вернетъ.

Софійское.

Валковскаго уѣзда.

Въ Мартѣ.

1817.

До сихъ поръ мы говорили языкомъ то панегириста, то человѣка являющагося безпристрастнымъ; но чтобы дать читателямъ нашимъ лучшее понятіе о героѣ сей сшаши, мы заговоримъ его собственнымъ языкомъ. Слѣдующія два письма, своею рукою имъ писанныя и въ подлинникахъ нами полученныя, очень хорошо покажутъ образъ его мыслей и способъ выраженія равно какъ и нѣкоторыя обстоятельства жизни. Что бы имѣшь понятіе о наруж-

номъ видѣ сихъ писемъ надобно видѣти ихъ въ подлинникѣ; мы постараемся сохранить его правописаніе. Между прочимъ читатели наши увидяшъ также, что Сковорода былъ врагъ *ероу*; сверхъ того многія слова писалъ онъ сокращенно и подъ шиплами. Въ разныхъ мѣстахъ попадаются звѣздочки, значенія коихъ мы не вездѣ могли понять; но удержимъ ихъ въ нашемъ спискѣ: читатели не найдутъ здѣсь однакожъ удареній, которыя онъ ставилъ на каждомъ словѣ. Оба письма писаны къ здѣшнему Купцу *Е. . . . Е . . . . . У — ну*, который и доставилъ намъ ихъ.

Изъ вел. Бурлука: 1790 года Іюня 10 дня.

*
Возлюбленный друже!

Георгій Георгіевич!

Миръ сердцу твоему и дому!

Благодарю Богу и тебѣ, друже, за твое мнѣ страннопріимство. Седмицу у тебе почил Спарецъ Сковорода: аки в' матернемъ домѣ. Да воздастъ же тебѣ той, иже на свой щепъ пріемлетъ все даемое нищимъ! / Я вашимъ виномъ, не пол'ко в' до-

рогѣ: но и в' дому ползовался. / Проню
покорнѣйше, ошдаш низен'кѣй поклонъ: Го-
сподину Пешру Федоровичу, Аптекарю:
и показат' на оборотѣ вашего пис'ма мои
строки Ламинскія. Аршему Дороеевичу,
и Рощину с' поварищем, усердное мое
почтеніе. Такжеде и Стефану Никити-
чу Гдну Курдюмову: и всему его дому,
а я пребуду

Возлюбленный друже!

вам искренним другом,

и покорнѣйшим слугою:

Сшарецъ Григорій Варсава Скворода.

На оборотѣ написано слѣдующее:

*

Carissime amice Petre!

*Nisi simplicitatem et candorem animi tui nossem:
equidem nunquam te interpellassem: nec tibi
facesserem molestiam. Nunc cum Socrate dico
illud vetus proverbium:*

* Novi Simonem et Simon me.

*Mitte, sodes, saltem unicum fasciculum centaurei
majoris: sive cardui benedicti. Macerabimus aut
vine aut sikera. Gratissimum ac utilissimum nobis
feceris si miseris. Vale!*

Debitor tuae amicitiae:

et Beta tuorum amicorum

Senior Gregor. Bar-Sabà Skoworodà.

Другое лисьмо.

Из вел. Бурлука: 1790 года Июля 2 дня.

Любезный друже!
Георгій Георгіевич!

Да будеш мир тебѣ и дому твоему!

Не забывай, друже, что нынѣ теченіе первая четверть небесныя луны Аугуста. Разумѣй: яже глаголю . . . . Дажъ премудрому повод: и премудрѣйшій будетъ. Скушай Римскую сію пословицу: * боязливаго сына маши не рыдаеш. Не дрѣмай! Жизньъ наша, ест'-то море. * Блюдите: како опасно ходите! к' Ефесеем. Господъ да сохрании правая теченія твоя! Тако плови: да достигнеши в' гаван' благоумаченныя староспи оныя: * Вѣнец хвалы старосп' . . . . А кое-то ест' масло: умащающее щасливую старост' ? кій вѣнец ? послушай! * помаза нас Бог духом . . . . Давид же: * елеемъ радости помазал еси его. А вѣнец ражжуетъ тебѣ Исаія. * Веселіе вѣчное над гл. их . . . . Ах! что лучше возможеш усладити старост': какъ Божіе оѣе масло? Вошъ тебѣ

масло. * Добрая слава (пословица) лучше мягкаго пирога.

Не думай же, друже, что добрая слава, ест' поже что пуспозвонкѣй мырскѣй газетѣ гремящѣй по улицамъ, о телѣсной швоей премудрости, о силѣ и богатствѣ.

* Да не хвалится премудрый премудростію своею! . . . От сего елея ушекаетъ Давидъ. * Елей же грѣшнаго да не намаститъ главы моея. Сим елеемъ мажущся нечестивїи. Они украшаютъ стѣны и пѣлеса: а не сердца своя. А вотъ они суп'!

* О лицемѣре! омый прежде внутренность швоея скляницы. На вотъ же шебѣ и истинный, сердца украшающѣй елей! и питающѣй. * Назнаменался (напечатлѣлся на сердцѣ нашемъ) свѣтъ лица швоего. Дал еси веселіе в' сердцѣ моемъ. От плода пшен. вина и елея и проч. Сирѣчь: разбогатѣли, де, мы в' богатствѣ украшающемъ и питающемъ сердце. Умѣй же различит' ложную славу отъ истинныя: якоже воровску монету: и будещи блаженный оный: Христомъ похваляемый купецъ: * подобное ест' царствіе Божіе челоувѣку купцу и проч. онъ надъ все свое имѣніе пред-

почел дражайшій нѣкій маргарит: хот' прашою всего: тол'ко бы доспат' оный. А кій шой тол' спранный и чудный маргарит? Вот ОН! * заповѣд' Гдѣня свѣшлая . . . * Сстрах Гдѣен' чист . . . * Судьбы Гдѣни оправ. вождельныны паче злаша и прощ.

Вот ОН! * Благ мнѣ закон уст т. паче тыс. зл. и сребра.

Вот ОН! * на пути свидѣній твоих насладишься, яко во всяком богатствѣ.

Вот ОН! * видѣх неразумѣвающія, и испаях: яко Маргарита не достигли.

Вот ОН! * открий очи моя: и уразумѣю цѣну его.

Вот ОН! * Пришлец аз есм' на землѣ: не скрый от мене — — —

Вот ОН! * Слава добрая, утучняетъ коспи. . . . Соломон.

Вот ОН! * Слава велія, послѣдоваши Бгу. — — — Сын Сирахов. —

* Прильпе сердце мое по шебѣ. . . * Во вѣки забуду оправданій твоих . . . . Ей! /лучше гол, да прав: нежели богатый беззаконник. Не убоюся от обнажающих

тѣло: души же обнажит' не могущих,
Амин'!

Любезный Друзе!

Ваш истиннаго добра желашель и
всепокорнѣйшій слуга

Старец, Григ. Вар-Сава Сковорода.

Пришлите мнѣ, ножик с' печаткою.
Великою печатью не кстапи и не люблю
моих писем печаташ'. /Люблю печаташ'-
ся еленем. Уворовано моего еленя, тогда
когда я у вас в' Харьковѣ пировал и
буянил. /Достойно!

Бочоночки оба опсылаются: ваш и
Дубравина: и сей двоицѣ отдайте отъ
меня низесен'кѣй поклон и Господину
Прокопю Семеновичу.
